

— О-о, да это же сам старший молодой господин Цзян! Какими судьбами?

— Чем это тут разит? Хоть бы проветрили, а то ведь задохнуться можно!

— Цзян Шэ! Да кто ты вообще такой? Позвали «господином» — так порадуйся, а не задирай нос! Все знают, что твоя семейка на грани банкротства. Кого ты из себя корчишь?

— Как бы там ни было, я всё равно получше твоей Беты! Думаешь, надушился духами с феромонами — и никто не догадается, что ты за дрянь?

— Я дрянь?! На себя-то глянь! С твоим-то рылом зариться на постель господина Чэна? Посмотри на того красавчика — да он в сто раз лучше тебя!

Едва прозвучали эти слова, как с десятков взглядов тут же устремились в указанную сторону.

В самом центре всеобщего внимания стоял Ли Цинъюй. Опустив голову, он увлечённо выбирал десерты, совершенно не вяжущиеся с его холодным и отстранённым видом.

Он был безупречно хорош собой: чистый, точёный профиль, ослепительно белая, будто фарфоровая кожа. Тёмно-синие, похожие на кошачьи, глаза внимательно изучали уставленный сладостями стол. При внимательном рассмотрении в его чертах угадывалась инородная, утончённая кровь — правда, в отличие от большинства метисов, переносица у него была идеальной высоты, а бледные губы придавали облику неприступность.

Если описывать проще — типичный образ гордой красавицы с ледяной вершины, какие часто встречаются в романах.

В зале было тепло, и Цинъюй остался в обычном бежевом тренче и джинсах, выглядя свежо и строго. Даже в окружении признанных снобских красавцев он мгновенно притягивал взоры.

Цзян Шэ опешил, глядя на него, а затем желчно процедил:

— Подумаешь, рожа хороша. Всё равно ведь обычный Бета.

Семья Чэн считалась одним из самых влиятельных и старых кланов города А. Её нынешний глава, Чэн Вэй, был холостым Высшим Альфой, из-за чего за ним охотились первые богатые семьи мегаполиса.

Всем было известно: будущей хозяйкой дома Чэн станет исключительно Омега, причём с идеальной совместимостью феромонов.

Сегодня Чэн Вэй праздновал день рождения, и в зале собрались лучшие холостые Омеги города. Повод выглядел как праздник, но каждый втайне понимал: это был самый настоящий смотр невест.

— Как думаешь, кто во вкусе господина Чэна?

— Да откуда мне знать? Он ни с одним Омегой замечен не был... Кто знает, может, у него вообще специфические вкусы? Вдруг ему Альфы нравятся?

В этот момент мимо проходил официант с подносом. Чэн Е окликнул его, желая взять бокал фруктового вина, но тот от неожиданности пошатнулся, и напиток брызнул на одежду Цинъюя.

Чэн Е насупился, собираясь устроить нагоняй, но Цинъюй вовремя сгладил угол:

— Всё в порядке, я просто вытру. Ничего страшного.

Он тепло улыбнулся официанту. Тот, обомлев от столь яркой, пронзительной красоты, застыл на секунду, а затем, залившись краской до самых кончиков ушей, сбивчиво пробормотал извинения и поспешно удалился.

Чуть отдалившись, бедняга попал на допрос к коллегам:

— Ну что там? Ты с ним заговорил?

— Ох, не спрашивай... Едва под горячую руку второго молодого господина не попал! — Вспомнив взгляд Цинъюя, он покраснел ещё гуще. — Но тот парень, друг второго господина... На редкость душевный.

А ведь официант думал, что человек с такой гордой, недостижимой внешностью окажется высокомерным и холодным.

Альфы собрались в кучки и обсуждали бизнес, а Омеги вились вокруг фигуры Чэн Вэя, пытаясь привлечь внимание и завоевать статус госпожи Чэн. Понятное дело, атмосфера между ними накалялась.

Приняв поздравления от пары гостей, Чэн Е повернулся к Цинъюю:

— Как думаешь, кто из них понравится моему брату?

Цинъюй качнул головой. Они с Чэн Вэем были знакомы лишь через Чэн Е, виделись считанные разы и близкими друзьями не являлись. Откуда ему знать предпочтения старшего Чэна?

Чэн Е взглянул на Омег, извивавшихся так, будто они собирались распустить павлиньи хвосты, и со смешком фыркнул:

— По-моему, из этой оравы ему никто не приглянется.

— Но здесь же столько красивых Омег, — возразил Цинъюй мягким, чистым голосом, абсолютно не вяжущимся с его холодной внешностью.

Среди гостей мелькали даже популярные кинозвёзды. Не будь обстановка столь официальной, он бы и сам не отказался попросить автограф.

— Как бы там ни было, женить его обязаны на Омеге с высоким уровнем совпадения, — отмахнулся Чэн Е.

В подобных богатых семействах наследникам надлежит исполнить долг перед кланом — жениться на подходящей по статусу и феромонам Омеге. А дальше — люби ты хоть Бету, хоть Омегу — гуляй на стороне сколько душе угодно, лишь бы без громких скандалов.

Поэтому такой безупречный холостяк из знатного рода, как Чэн Вэй, за которым не числилось ни единого порочащего слуха, был поистине лакомым кусочком.

— Брат сегодня, похоже, застрял всерьёз, — добавил Чэн Е. — Придётся тебе подождать, чтобы с ним переговорить.

— Ничего страшного, я подожду, — кивнул Цинъюй.

— Ты точно уверен, что мне не нужно пойти с тобой? — сомневаясь, переспросил Чэн Е.

Цинъюй пригубил напиток, ненадолго задумался и ответил:

— Всё в порядке, я сам справлюсь.

Чэн Е похлопал его по плечу:

— Если брат откажет — не беда, я что-нибудь придумаю.

— Договорились.

Плечо в месте прикосновения Чэн Е словно обдало теплом. Цинъюй косо взглянул на его руку, а затем слегка улыбнулся.

Родители Цинъюя развелись, когда он был совсем маленьким. Оба создали новые семьи, и мальчик оказался никому не нужен — его спихнули бабушке. После её смерти заботу о нём взяли на себя дядя и тётя. Они всегда относились к нему с душой.

На зимних каникулах Цинъюй случайно услышал, как тётя плачет в спальне. Оказалось, месяц назад научно-технологическая компания «Хуаянь» разорвала с ними все деловые контракты. Фирма дяди уже пережила две волны сокращений и вот-вот загнулась бы окончательно. А ведь младший двоюродный брат учился в выпускном классе, и его планировали отправить на учёбу за границу... Если семейное дело прогорит — Цинъюй боялся даже представить последствия.

Собственных сил у него не хватало, поэтому, взвесив всё, он решил попросить помощи у Чэн Е — узнать, нельзя ли выйти на Чэн Вэня. Попрошайничать через связи стыдно, но если это спасает семью — стыд можно и потерпеть.

Хоть уверенности у него не было ни на грош.

И надо же было такому случиться, что назначенная встреча совпала с днём рождения Чэн Вэня.

Внезапно толпа пришла в движение. Омеги в зале начали осторожно выпускать феромоны, пытаясь завлечь привлекательного Альфу. Все знали меру, так что запах стоял тонкий, никому не затуманивающий разум, но даже так некоторые Высшие Альфы начали проявлять беспокойство.

Чэн Е повело носом, и он бросил Цинъюю:

— Ты тут стой, никуда не уходи, а я пойду воздухом подышу.

В центре зала Чэн Вэй обменивался любезностями с гостями, держа в руках бокал. На нём был идеально скроенный смокинг, галстук повязан безупречно, запонки застёгнуты до последней пуговицы. Изгалявшиеся вокруг люди его не трогали — он мягко и привычно держал дистанцию.

Черты его лица отличались строгостью и благородством, особенно узкие, хищные глаза. Когда он улыбался, то казался обходительным и мягким, но стоит улыбке сойти — и от него веяло давящим авторитетом. Такой человек неизбежно становился центром любого общества.

Проходивший мимо Омега «случайно» оступился прямо перед ним. Чэн Вэй заметил это краем глаза, но и пальцем не шевельнул, чтобы подхватить падающего. В его взгляде мелькнула безразличность, тут же скрытая за вежливой маской.

Он чуть наклонил голову, изобразив лёгкое участие:

— Вы в порядке?

Упавший Омега выглядел как хрупкий, беззащитный цветок: глаза на мокром месте, взгляд просящий... Он беспомощно протянул руку к Чэн Вэю.

Однако ассистент Чэн Вэня сработал оперативно и тут же подхватил бедолагу под локоть. План провалился. Омега занервничал и цепко схватил Чэн Вэня за край пиджака, а его тонкие пальцы случайно коснулись руки Альфы:

— Господин Чэн, я...

Не дав ему договорить, Чэн Вэй ровным голосом распорядился:

— Проводите господина и проверьте, не ушибся ли он.

Самые жёсткие слова, сказанные безупречно мягким тоном.

Когда ассистент увёл симпатичного Омегу, Чэн Вэй словно бы невзначай достал платок и неторопливо вытер пальцы, которых только что касался незнакомец.

После этого небольшого инцидента остальные юноши, планировавшие подобные манёвры, заметно поумерили пыл.

Неподалёку раздался едкий смешок:

— Чёрт, ну и старый лис! Как ему только не лень каждый день корчить из себя святошу?

Цинъюй обернулся. Позади стоял парень, наряженный словно пёстрый павлин. Заметив взгляд Цинъюя, он флиртливо подмигнул ему.

Цинъюй предпочёл промолчать.

Вокруг шептались Омеги:

— Видали, как Бай Нин опозорился? Решил сыграть на своей мордашке, да только сел в лужу!

— Столько времени прождали, а с господином Чэном даже словом не перебросились!

— И не говори, я такое платье зря надела!

Чэн Е всё не возвращался, и Цинъюй, откровенно заскучав, направился к фуршетному столу.

Вдруг он ощутил на своей спине чей-то пристальный взгляд.

Обернувшись, он никого подозрительного не увидел, зато заметил Чэн Вэня, окружённого плотным кольцом гостей.

И надо же было случиться, что именно в этот момент Чэн Вэй тоже поворачивал голову в его сторону. Цинъюй думал, тот лишь скользнёт по нему рассеянным взглядом — в конце концов, господин Чэн был слишком занят.

Однако Чэн Вэй не просто заметил его, а зафиксировал взгляд на несколько секунд.

И даже едва ощутимо кивнул.

Из вежливости Цинъюй ответил тем же.

Столик с десертами находился в углу зала. Цинъюй взял изящное пирожное.

И тут же со стороны донеслись размеренные, твёрдые шаги, а следом раздался низкий, бархатистый голос:

— Сяо Юй.

Цинъюй поднял голову. Яркий свет люстры слегка слепил, но не смазывал строгих, породистых черт Чэн Вэня.

Цинъюй думал, что до конца вечера им так и не удастся перекинуться и парой фраз.

— Брат Чэн Вэй.

Сегодня на Чэн Вэне были очки в тонкой золотой оправе, сглаживающие властную резкость во взгляде. Стоя перед Цинъюем, он совсем не походил на сурового дельца, держащего в страхе деловой мир, — скорее на заботливого старшего брата.

— Тебя Чэн Е привёл? Где он сам?

— Сказал, что пойдёт подышит воздухом, и велел ждать его здесь.

Взор Чэн Вэня сместился на пирожное в руках юноши:

— Вкусно?

— Вкусно. Очень сладкое. Брат Чэн Вэй, хочешь попробовать?

Чэн Вэй терпеть не мог сладкого, однако сейчас его взгляд неотрывно покоился на надкусанном кусочке пирожного, а затем скользнул по губам Цинъюя.

В конце концов Чэн Вэй отвёл глаза:

— Спасибо, не стоит. Если тебе нравится, попроси упаковать немного с собой.

— Спасибо, брат Чэн Вэй.

Цинъюй опасался, что из-за долгой разлуки разговор не заладится. Но Чэн Вэй обладал удивительным даром: стоило ему произнести пару слов, как всякая натянутость улетучивалась сама собой.

«Может, стоит заговорить о деле прямо сейчас?»

Цинъюй до того нервничал, что пальцы сами собой смяли край тренча.

Чэн Вэй смерил взглядом его опущенную голову и вспыхнувшие алым кончики ушей.

Его голос прозвучал мягко и приглушённо:

— Что с тобой? Хотел о чём-то спросить?

— Я...

Не успел Цинъюй вымолвить и слова, как прямо к его лицу потянулась длинная, красивая ладонь с точёными пальцами.

Эта рука будто бы ненароком задела его щёку и замерла возле самых губ.

Цинъюй застыл от неожиданности.

Чэн Вэй, похоже, и сам изумился собственному порыву, но не подал вида и спокойно пояснил:

— Вот здесь. Измазался в креме.

— А, — Цинъюй спохватился, вытер щёку пальцем, а потом, опасаясь, что остался след, слизнул крем языком.

Теперь-то точно чисто.

За стёклами очков глаза Чэн Вэня едва заметно потемнели. Спустя мгновение он невзначай спросил:

— Ты Бета?

Цинъюй удивлённо моргнул, но тут же догадался, что речь о его вторичном поле, и кивнул:

— Да, Бета. Мне до вас с Чэн Е далеко, вы оба такие выдающиеся Альфы.

Комплимент, похоже, не произвёл на Чэн Вэня особого впечатления.

Чэн Вэй едва заметно прикусил губу. Выражение его лица на миг сделалось нечитаемым, но он тут же вернул прежнее невозмутимое спокойствие.

Из зала его уже громко окликали.

Цинъюй понимал, что тот занят:

— Иди, брат Чэн Вэй.

— Что ты хотел сказать мне только что?

Сейчас, посреди шумного банкета, момент был неподходящий. Лучше отложить этот разговор на потом.

Цинъюй улыбнулся:

— С днём рождения, брат Чэн Вэй.

У Цинъюя были удивительно красивые глаза — когда он улыбался, они прищуривались, превращаясь в полумесяцы, и от этого взгляда на душе становилось тепло.

В глазах Чэн Вэня тоже мелькнула улыбка. Он посмотрел на мягкие, слегка вьющиеся волосы Цинъюя льняного оттенка, светящиеся под лампами.

Чэн Вэй невольно поднял руку, но, словно вовремя опомнившись, замер в воздухе.

Однако прежде чем он успел её опустить, Цинъюй сам подался вперёд и подставил макушку под его ладонь.

Прикосновение к мягким волосам отозвалось приятным трепетом.

Какой послушный.

Раньше Чэн Вэй тоже любил так гладить его по голове.

Цинъюй помахал ему рукой.

Сделав пару шагов, Чэн Вэй обернулся, смотря на него долгим, тяжёлым взглядом, будто желая сказать что-то ещё.

Почему-то стало очень жарко.

Видно, сказывался тот выпитый бокал фруктового вина — по телу разлился нездоровый зной.

Кожу словно калёными иглами кололо, особенно сзади, у основания шеи — там нарастало нестерпимое жжение и зуд.

Сперва едва заметное, оно быстро превратилось в мучительный зуд, который невозможно было терпеть.

Цинъюй не удержался и несколько раз задел пальцами затылок.

Белоснежная, нежная кожа моментально покрылась красными пятнами.

Сознание поплыло. Ему показалось, будто окружающий воздух напитался густыми, удушливыми ароматами.

Запах не разил наповал, но от него становилось муторно.

Банкет подходил к концу, гости постепенно расходились.

Только что от Чэн Е пришло сообщение: он просил подняться в номер на верхнем этаже и подождать его там.

Однако инстинкт самосохранения заставлял Цинъюя искать хоть какое-то укрытие прямо сейчас.

Жар сжигал его изнутри, мысли путались, перед глазами всё поплыло, и он потерял ориентацию в пространстве.

Пальцы, ноги, всё тело охватила мелкая, непрекращающаяся дрожь.

Зуд, начавшийся на затылке, волной прокатился вдоль позвоночника и осел внизу живота постыдным, тягучим ощущением.

Каким бы наивным ни был Цинъюй, пусть даже он считал себя Бетой, он слишком хорошо знал эти симптомы.

Это были признаки вторичной дифференциации.

И, как назло, у него началась течка.

Задышавшись, Цинъюй наощупь толкнул какую-то дверь и заскочил внутрь.

В комнате царил полумрак, плотные шторы были задвинуты, не пропуская ни лучика света.

Он сжался в комок в самом углу, обхватив колени руками и дрожа всем телом.

В воздухе витал тонкий, едва уловимый аромат Альфа-феромонов — свежий, похожий на бамбуковую рощу после проливного дождя.

Он кардинально отличался от того дикого месива запахов, что стояло в зале.

Этот аромат был бесконечно милосерден, он пролился на него, точно прохладный лунный свет на воду, ненадолго уняв вспыхнувший зуд.

Но в следующее мгновение тело захлестнула новая, неконтролируемая волна дикого голода — отчаянная жажда чужого прикосновения.

Шаги за дверью заставили его замереть.

Пьяный Альфа остановился на пороге и небрежно ослабил галстук.

Стоило двери распахнуться, как из комнаты ураганом вырвался густой, дурманящий поток

Омега-феромонов.

Сладкий, нежный, с отчётливым сливочным оттенком.

Ни один Альфа не смог бы устоять перед такой первобытной мощью.

Всплеск феромонов спровоцировал настоящую лихорадку.

<http://bllate.org/book/20116/1991889>